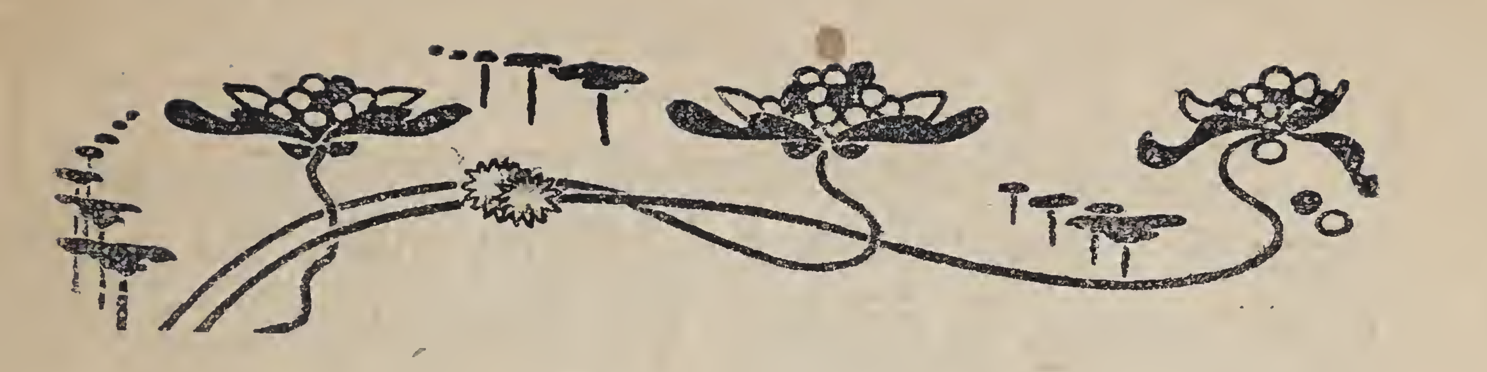
Сказка о царскихъ министрахъ, въ жульничествѣ быстрыхъ.

Издательство „УСПѢХЪ“, Лиговская 68.
ПЕТРОГРАДЪ.

СКАЗКА

о царскихъ министрахъ — въ жульничествѣ быстрыхъ (О Штюрмѣ-казнокрадѣ, о Сухомлинѣ—предателѣ и о Протопопѣ—фараонѣ)

Вотъ какое чудо въ нашемъ государствѣ случилось: триста лѣтъ сидѣлъ надъ нами Кащей Безсмертный и правилъ по всей неправдѣ, какъ ему, Кащею разбезсовѣстному, полагается.

А мы то съ простоты и не знали, что Кащей надъ нами сидитъ, думали и зправду цари у насъ хоть и прохвосты а все-же настоящіе цари.

Кащей Безсмертный, мошенникъ извѣстный, прикинется—будто онъ то „Первый“, то „Второй“, то Лександра, то Миколай.

Христіанскимъ именемъ назовется, видимость исдѣлаетъ, будто какъ и вправду царь. Ну, мы и покорялись, хоть и болѣла отъ эдакой покоры спина.

Скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается. Шутка ли—триста лѣтъ Кащеево неправедное царство терпѣть— тутъ и у богатыря шея заболитъ.

Дралъ Кащей семь шкуръ съ праваго и виноватаго.

Обѣднѣлъ отъ Кащея весь народъ. Ходить сталъ съ опаской да съ опыткой, слово потайное про себя держитъ — оно боязно и сказать кому. Родному брату вѣры нѣтъ: ну какъ выдастъ Кащеевымъ палачамъ.

А тѣ палачи лихіе—мастера удалые— какъ потащутъ въ подвалы сырые, да какъ зачнуть съ живого кожу драть, либо въ котлѣ варить!

И молчкомъ-молчалъ народъ, ходилъ
пину согнувши, подъ ноги глядѣлъ—такъ
но способнѣе. А то глянешь иной разъ
рямо и ужъ выдалъ себя Кащеевымъ
подручникамъ, ужъ они вопятъ-кричатъ:

— Глянь-ко въ глазахъ у него чего
ѣется,,. Это онъ недоброе на насъ замыш-
яетъ, на царя батюшку да на царевыхъ
лугъ.

И сичасъ—хвать тебя за шиворотъ да
ачнутъ гноить по тюрьмамъ, либо зашл-
отъ въ такую страну, гдѣ ни солнца ни
вѣзды—ночка темная вовѣкъ стоитъ,
гъ стужи всякой звѣрь прочь бѣжитъ.
амъ и живи.

И не тѣмъ Кащей силенъ былъ, что
амъ до всего доходилъ, нѣтъ: лѣнной
ъ, безпокоить себя ему не охота. А по-
авитъ округъ подлыхъ людишекъ съ со-
чьимъ сердцамъ—тѣ людишки для его
ащеева царства стараются.

Всѣ то они у Кащея задарены, захва-
ны золотыми побрякушками пообвѣ-
аны—ровно жаръ-птица горятъ.

Ужъ у нихъ то и казна—счету нѣтъ, и землицы кажному цѣльная губерня дадена. Не житье Кащеевымъ слугамъ—сладкая малина. Съ народушкомъ дѣлаютъ они, что имъ захочется, отвѣтъ не передъ кѣмъ держать. Живи—не тужи во всякое свое удовольствіе.

И всего то лютѣе стало намъ втапоры, какъ прикинулся Кащей—Миколахой, по счету Вторымъ.

Онъ то, хоть и безсмертный—Кащей-то, да знать притомился отъ трехсотъ-лѣтъ на престолѣ.

Что-жъ ты думаешь, пить горькую сталъ ужъ такъ пьетъ, такъ пьетъ: самъ себя не помнитъ, всѣ слова перезабылъ.

Только и осталось у его словъ: „быть по сему". Остальныя слова всѣ изъ его тупой башки повылетѣли.

И далъ онъ полную волю своимъ собачьимъ сподручнымъ:

-- Вали, дескать, робята въ мою голову грабь, души, казни—для меня эта

безразлично. Мнѣ лишь бы винища вдосталь, политуры въ удовольствіе да парады почаще. Люблю, парады да смотры солдатикамъ дѣлать!

Ну и подобрались при Миколахѣ министры. Сколько ни бывало въ нашемъ государствѣ въ министрахъ жулья да звѣрья—а до этакихъ далеко, эти всѣхъ за поясъ заткнули,

Такіе ребята озорные подобрались, да такіе неправедные—хуже всякаго Кащея.

И надо же такому случаю быть: взяли въ конюха къ царю Россійскаго парнишку Иванушку-дурачка.

Не любилъ Кащей русскаго духа—все нѣмцы у его служили „У нѣмца, сказывалъ, духъ легкой, дляменя родной, пріятной, а русской духъ мнѣ въ голову вдаряетъ-больно крѣпокъ—непоносу табакъ".

Ну, не держали значитъ при Кащеѣ русскихъ слугъ—съ нѣмецкими обходились, хоть и война съ нѣмцемъ была,—да ему, Кащею, и на войну наплевать—потому въ емъ русской крови ни капли нѣту.

А тутъ не досмотрѣлъ кто—взяли Иванушку и сталъ онъ жить при дворцѣ, да всѣхъ какъ есть главнѣйшихъ воровъ царскихъ слугъ въ лицо узналъ.

Каморка у Иванушки подъ Кащеевымъ покоемъ была—да отдушину закласть забыли. Какъ станетъ Кащей со своими вѣрными слугами совѣщаться—Иванушкѣ все слыхать.

Слыхать-то слыхать—да вѣры своимъ ушамъ нѣтъ. „Это, думаетъ Иванушка,—отъ того, что я дурачекъ. Они дѣльное сказываютъ, а мнѣ этакъ оборачивается, а не то—сонъ чудной чудится".

Не вѣрилъ своимъ ушамъ!

Да и какъ повѣришь Иванушка Кащея за правдашняго царя считалъ, а тутъ наподи—съ нѣмцами цѣлуется—милуется, дыща народу на казнь предаетъ и хоть ты што.

Скажутъ Кащею-Миколахѣ:

— Ваше церское истребительство, надобно двѣ тыщи народу въ порошокъ истолочь—потому намъ, вашимъ вѣрнымъ слу-

гамъ, нечѣмъ стало зубы чистить. Какъ изволите разсудить?

Мычитъ царь:

— „Быть по сему“.

Ажно Иванушку эдакія его слова въ потъ ударяетъ. Какъ же такъ, думаетъ — нашъ царь, русской, Миколаха — не жалѣетъ народу на зубы своимъ сподручными жуликамъ.

А тѣ, знай, свои дѣлишки обдѣлываютъ. Слышитъ Иванушка, сказываетъ вояка Сухомлинъ:

— Ваше царское угнетательство, разрѣшите мнѣ пограничныя крѣпости срыть. Потому скоро къ намъ въ Россею вашъ родственничекъ изъ нѣмецкихъ земель придетъ—такъ ему очинно затруднительно будетъ черезъ тѣ крѣпости перелѣзать!

И опять мычитъ Кащей-Миколаха:

— Быть по сему!

А Сухомлинъ мелкимъ бѣсомъ вьется:

— Тутъ, ваше убивательство, сотняжку шпіоновъ народъ изловилъ — да всѣ

ребята хорошіе, для насъ съ вами пользительные—разрѣшите выпустить?

А Кащей ужъ и говорить не можетъ— чарка-то передъ нимъ, чай, незадарма день и ночь стоитъ. Только киваетъ — „ладно, молъ“ быть по сему.

Да не унимается Сухомлинъ:

— Моего, гритъ, пріятеля, Мясоѣдушку, подъ замокъ посадили да и головку ему откусили. Слыхать, што до меня добираются. Такъ ужъ вы, ваше царское кровопустительство, напишите мнѣ письмецо, что, дескать, люблю и уважаю достойнаго Сухомлина—перваго россійскаго предателя и не позволю его изъ собственнаго дома съ перины пуховой отъ молодой жены, въ тюрьму тащить...

И опять соглашается Кащей. Да вдругъ опомнился на мигъ, отрезвѣлъ на минутку бормочетъ:

— Слышь, вы, мои министры удалые, ребята озорные, а што, ежели эти скоты того... революцію сдѣлаютъ? Да насъ по шапки ко всѣмъ чертямъ турнутъ.

Ну тутъ ужъ завертѣлся Протопопъ—осиновый лобъ:

— Не извольте безпокоить себя, ваше царское душительство, у меня на случай чего эдакіе хорошенькіе пулеметики заготовлены. Постреляемъ въ народъ въ лучшемъ видѣ—и удовольствіе, и польза...

— Ага, говоритъ Кащей—это ты Протопопъ, правильно удумалъ. Съ этими скотами иначе невозможно — потому они никакого разговору не понимаютъ, окромя артиллерійскаго...

Повалился тутъ Кащей на бокъ и заснулъ, а министры давай шептаться, да другъ передъ дружкой царскимъ милостямъ выхваляться, да золотыя побрякушки казать. А тамъ и кошели подаставали.

Иванушка тутъ къ отдушинѣ подобрался, — глядитъ и ровно ослѣпъ, какъ золото горитъ, инда глазынькамъ больно.

Штюрмъ — первый царскій воръ—всѣхъ больше золота казалъ.

— Я, сказываетъ, все продаю, что только въ энтой Рассеѣ ни есть—все про-

даю у меня такое положеніе—штобы мнѣ кажный платилъ. Все одно — нуженъ я ему, не нуженъ—гони монету!

— А за што?

— А за то, што я нѣмецъ. Это, чай, не шутка. Изъ русскаго дурака нѣмца хорошаго, обстоятельнаго вовѣки вѣковъ не выкроишь — ну, и плати мнѣ, потому какъ я есть самый настоящій нѣмецъ, Вильгельмищу преданный до послѣдней пятки.

А Сухомлинъ лепечетъ:

— Нѣтъ, я ни съ кого не беру—это все благодарности, благодарности... Что-жъ людей то обижать? Несутъ, просятъ: — „ваше превосходительство, не обезсудьте, возьмите, сдѣлайте божескую милость!.. Ну, у меня жена молодая, извѣстно, щеголиха... Подумаешь, да и возьмешь. Что мнѣ! Я не болѣю, тѣмъ пару секретиковъ каждому выдаю. Сами посудите — какой тутъ можетъ быть вредъ? Что скажешь Протопопъ?

А Протопопъ, осиновый лобъ — такъ весь и свѣтится отъ радости:

— Истинно изволите говорить, ваше превосходительство! — лепечетъ: — я доволенъ, я всѣмъ доволенъ. Я, можно сказать, отъ счастія ногъ подъ собой не чувствую. Помилуйте: въ этакой компаніи всякому лестно. Удостоили! Превознесли! Хожу, весь золотыми побрякушками обвѣшанный—инда самъ ровно солнце красное изъ себя лучи испускаю. Жилъ я прежде хорошо, словъ нѣтъ, и денежки водились, ну и въ Думѣ сидѣлъ и руку мнѣ пожимали разные тамъ народные депутаты. Да что мнѣ въ эдакомъ почетѣ — наплевать. Нѣтъ, вотъ теперь—это я понимаю. Теперь у меня настоящій почетъ, потому я превознесенъ до самыхъ подонковъ души польщенъ. Помилуйте, въ эдакой компаніи! Съ самимъ царемъ и съ Гришкой, евонымъ свойкомъ, за ручку здоровкаюсь! Да за это я хошь весь народъ изъ пулеметовъ перестрѣляю. Стоитъ объ этакой сволочи заботу имѣть...

Не вѣрилъ, не вѣрилъ своимъ ушамъ Иванушка дурачокъ, да какъ услышалъ энти слова — взяло его за ретивое сердце, зашумѣло у его въ головушкѣ, загорѣлась кровь, что огнемъ ее прожгло. Пораспра-вилъ Иванушка богатырскія плечи, да какъ далъ раза — обломался потолокъ даромъ, что заморскіе нѣмецкіе мастера строили.

Рухнулъ Иванушка на голову, министрамъ. Хвать за шиворот ь одного, другого, третьяго — да къ народу съ ими.

— Такъ и такъ, православные, вотъ они—измѣнщики, передатчики, Миколашкины слуги... То и то сказывали, то и то дѣлывали...

И заварилась тутъ каша. Протопоповы фараоны-пулеметчики, какъ услышали, што народъ крикомъ-кричитъ — пальбу открыли со всѣхъ чердаковъ гдѣ Осиновый Лобъ пулеметики наставилъ.

Ну, да Иванушку пулеметомъ не больно испужаешь: до той поры крикомъ кричалъ, пока всѣ солдаты на улицы не высыпали,

да давай изъ ружей жарить—въ пулеметчиковъ-фараоновъ.

А министровъ поскорѣй подъ замокъ заперли да стражу къ имъ приставили надежную.

Добрались и до Миколахи, его тоже въ затворъ затворили. Вотъ тутъ и окажись, что онъ Кащей — триста лѣтъ оборотень надъ нами сидѣлъ, соки народные пилъ.

Ну, да теперь шалишь — мы съ усами стали — въ обиду не дадимся. Управимъ собою сами — не надо намъ никакого царя — ну ихъ къ дьяволу!

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Когда послѣ народнаго суда министры-жулики отбыли каторжныя работы—пришелъ, наконецъ, ихъ смертный часъ.

Подохли всѣ трое въ одинъ прекрасный день и къ вечеру уже очутились въ аду.

Сатана принялъ ихъ весьма привѣтливо и угостилъ раскаленными угольями.

Потомъ онъ каждому изъ министровъ назначилъ соотвѣтствующей его земной дѣятельности наказаніе Штюрмъ долженъ былъ до скончанія вѣка брать взятки раскаленными серебряными рублями.

Кромѣ того онъ долженъ былъ постоянно-три раза въ минуту совать руки въ чужой карманъ, наполненный сѣрной кислотой.

„Протопопу“ выпало на долю облизывать тыловыя части всѣхъ „старцевъ“, заблаговременно переправленныхъ въ адъ.

Кромѣ того онъ былъ обязанъ сосать замороженный пулеметъ.

Что касается Сухомлина—то его уложили въ аду на планъ одной изъ проданныхъ имъ нѣмцамъ крѣпостей и сѣкли по 8 часовъ въ сутки солеными розгами.

Кормить его было рѣшено солдатскими подошвами изъ картона, а поить нѣмецкой горючей жидкостью.

Дышать же онъ долженъ былъ исключительно удушливыми газами.

Всѣ три грѣшника жестоко поплатились за свои подлости и вѣчно будутъ вспоминать—за что они мучаются въ аду.

Недаромъ сказано:

—Подѣломъ вору и мука!

Херсонскій.

Цѣна 20 коп.